

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

27.XI.1968

Родной мой Раичка, спасибо Вам за письмо, оно доставило мне огромную радость...

Вы мне сказали, что напишете, почему Вы "плохой человек". И не написали. А я жду первый Ваш опыт самоанализа. Очень важно, чтобы Вы привыкли постепенно писать. Убеждена, что лучшую книгу о Райкине может написать только сам Райкин. Представьте себе, что лет эдак через двадцать Вам трудно будет играть, а расстаться с самим собой, с особенным человеком, которого все узнали и все полюбили, и он привык, чтоб его все любили, не хочется. Тут и понадобится привычка писать. Эту привычку надо приобрести умеючи, чтоб научиться говорить на бумаге без фальши, без выпренности, без провинциального кокетства, без самооглядки на стиль и орфографию, без паршивого эстетизма, а именно так, как Вы есть, мальчик, когда-то забравший своих сестренек и приехавший к отцу к черту на куличики. Очень самостоятельный и одновременно — страшно заторможенный последующей безостановочной жизнью на людях. Лучшей практики, чем дневник или письма к человеку, которому не надо лгать и перед которым не надо казаться, не придумаешь. Вот и пишите — дневник в тетрадку, а письма мне. Я их сперва буду только беречь, а через год, уже дряхлой старушкой, начну помаленьку критиковать (Вам, разумеется). От такой прабабки слушать не будет, обидно, а польза обязательно получится, хотя бы от Вашего несогласия с критикой и укрепления на своем...

Будьте здоровы, будьте добры, будьте такой, как были всегда — работающий каждую секунду и "живущий, как живет" — Ваша формула, помните?..

Ваша Мариэтта Шагинян

15.12.68

Милый мой друг,

...Вы пишете о себе: "Мне все кажется, что между мной и искусством возникло огромное расстояние. И расстояние это пока не сокращается". Тут Вы с абсолютной точностью определили состояние творца после длительного прекращения творческой самоотдачи. Все настоящие творцы переживают такие состояния. Их необходимо переживать, потому что непрерывность самоотдачи может привести к халтуре — или, как в Вашем случае, к физическому кризису. За эти месяцы Вы были больше с самим собой, чем во время работы, читали, думали, отошли от привычного образа жизни... Вы сейчас гораздо **старше** (не только возрастом), чем были в прошлом году в Переделкине. У Вас больше требовательности к себе, больше требования к самому искусству... Это снижает самоуверенность, но это само по себе признак роста, повзросления. За этот год я научилась понимать, что Вы — гениальный художник в своем виде искусства, раньше это не было мне так ясно. Это мне открывалось постепенно в Вашем поведении, отзывах о книгах, немногих наших беседах и в памяти моей, где я воскрешала то, что видела на сцене, когда Вы играли. А гениальный художник не может не переживать "удалений от искусства", вызываемых паузами — болезнями, отдыха и всего прочего. Вы вернетесь к своему делу обогащенный, более взрослый, более думающий. Жаль, что так много связано у актера с авторами его спектаклей. Но ведь Вы часто, верней всегда, — соавтор. Вы сейчас будете больше давать им от себя, чем раньше...

Жду письма от Вас, обнимаю
Ваша Мариэтта

8.X.70

Милый мой Раичка,
...работайте, давайте себя народу.

Бельский как-то сказал мне о Вас: "Я воспринимаю Райкина, как великую трагическую фигуру артиста. Ведь все, что он делает, он делает глубоко серьезно, он внутренне серьезно переживает свои создания, он сам не смеется над пороками, он **страдает** от них, — а ему зал рукоплещет смехом". Это парадоксальное впечатление от Вас, но я за эти слова полюбила Бельского и сделала его своим другом.

Ваша М.Шагинян

28.XI.71

Милый Аркадий Исаакович,

...Вершины, которых Вы в своем искусстве достигаете, очень высоки — и делать это часто может стать и опасно, и страшно для человека, потому что ведь он не только себя оздоравливает и приводит к норме чувством полного удовлетворения (как полного вздоха), но и обратная сторона — как бы всякий раз нравственно стораит (и физически, и душевно). И тут время от времени

убавляет потому, что сделанное начинает вместо радости создавать раздражение, сомнение, убивать предыдущее, словом — подламываться. Надо есть. В утомленном мозгу все кажется хуже, чем оно есть объективно. Когда читаю страшную трудовую нагрузку Вашего рабочего дня, испытываю просто страх, как если б Вы стали ходить по хрустальной посуде. Время очень **доброе**, но Время — драгоценно и требует, чтоб его не сокращали, не пускали под откос, когда делают художественную ювелирную работу. Время всегда в контакте с работой моз-

*Дарственная —
Дарю в арендованной мною
подписанной даче в городке писателей
Переделкина (Моск. обл., 10 км от МКАД), на
улице Серафимовича, д. № 9А, —
комнату в нижнем этаже, со всем,
в ней находящимся, — на все время,
пока я жива, — с правом прохода в нее
когда и с кем он захочет,
Аркадию Исааковичу Райкину.
Ключ к комнате прилагаю.*

Мариэтта Шагинян

13-1
1974.

Мариэтта ШАГИНЯН:

“Вы достигли совершенства,

Письма к

нужна передышка, разрядка в обыденное. Делайте себе такие разрядки время от времени. Мне очень за Вас бывает иной раз страшно. Берегитесь чувства опустошения. Оно возникает после абсолютных свершений, и тогда большим творцам кажется, что он "весь вышел", что больше нечего дать и так далее.

Эти состояния очень тяжелы, потому что в такие минуты не веришь, что душа снова заполнится, будет снова переживать и станет способной к отдаче — и тогда надо, хоть и не веря, но говорить себе, что это — преходящее и все вернется. Так вот, Вы сейчас на очень большой высоте и может случиться, что ткнетесь лбом в потолок. Тогда вспомните об этом письме и дайте себе передышку.

Ваша М.Шагинян

8.IV.1972

Дорогой Аркадий Исаакович,

...Из прочитанных текстов понравилось многое, но все это были витражи (цветные окна), повернутые к стенке и кажущиеся совершенно темными. Я впервые поняла, почему Вы не хотели дать мне читать тексты. Без яркого освещения сквозь витражи нельзя смотреть. Без света гения Райкина, озаряющего все изнутри, не заиграет, не засветится красочно ни один рисунок. И мне даже показалось, что я улавливаю райкинские изменения, которые Вы внесете в тексты своим большим бытием — бытием своего божьего дара. Берегите его!..

Ваша Мариэтта

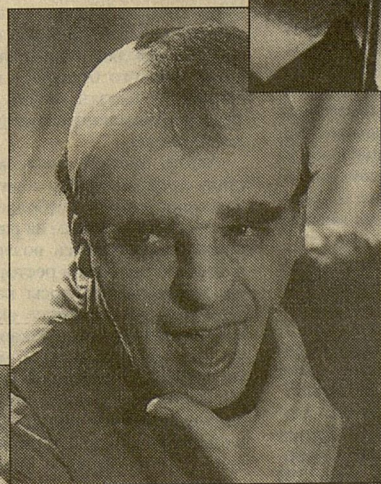
16.IX.1972

Дорогой Аркадий Исаакович,

...Мне кажется, судя по Вашему письму, Вы слишком нагрузили себя работой, а ведь всякое **слишком** (во всяком деле и даже в жизни человеческой) не только не прибавляет, но убавляет, —

га, сердца, тела, мускулов, — его нельзя захлестывать, переутомляя себя.
Ваша Мариэтта

...Райкин изобразил "редкостное животное" в виде меня, — моей инто-

перь персонаж и вдобавок райкинский...

М.Шагинян
(из письма Руфи Марковне Райкиной)
18.IX.1972 г. Рига — Дубулты

Здравствуй и сценарий —

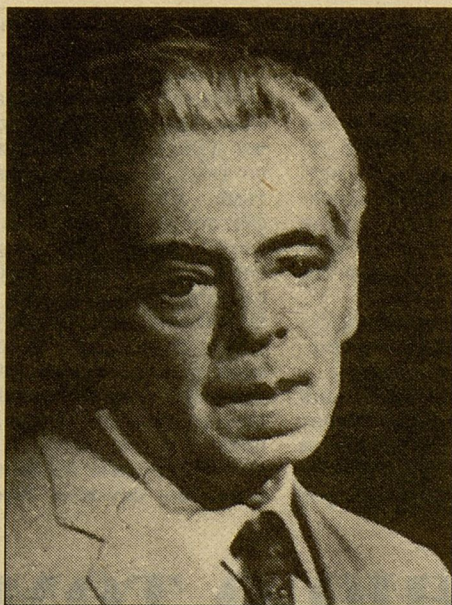

14.IV.1972
Дорогой Аркадий Исаакович,
...Нужно помнить, что за 5 лет выросло поколение, все меньше и меньше знающее русский язык. Тонкости, нюансы лексики они уже не понимают... Само искусство Вашего театра и Вашей игры не доходит из-за простого непонимания. Вы вот учите венгерский, а придет время, когда русский язык перестанут хорошо понимать в Риге и Алма-Ате, Ереване и Чебоксарах и так далее.
...Есть очень тонкие и очень образованные интеллигенты, и Вы правильно на них ориентируетесь. Сидят они и в зале, Вы их скоро почувствуете силой контакта с ними. И если ваши "коррективы", которые Вы нехотя собираетесь внести, пойдут по линии увеличения эстрадно смешного и уменьшения тонкости, это их, Ваших настоящих зрителей, — доброго зрителя в 9-м ряду, который есть в любой аудитории, идущей смотреть и слушать Райкина, — глубоко обидит и огорчит.

Кроме контакта со зрительным за-

переданы семьей Райкина в архив С.А. Вишнякова, но из-за его смерти издание не осуществилось).

Сегодня, когда письма друг другу писать перестали, перейдя на новые жанры — подметных или "открытых", особенно интересно вслушаться в диалог двух мастеров культуры. Именно в диалог, ибо в рассуждениях писательницы всегда весомо и зримо присутствует и сам Аркадий Исаакович Райкин.

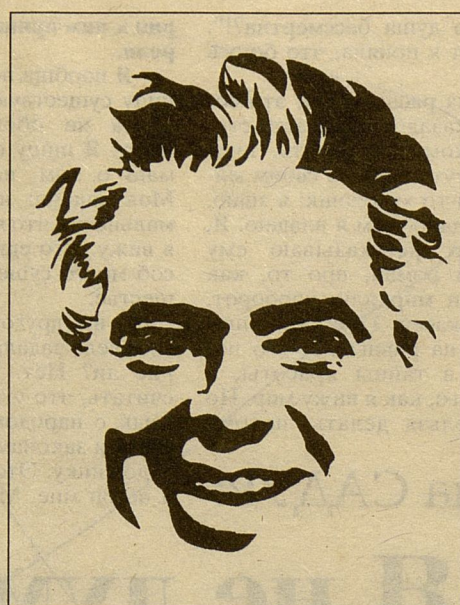

обеднено ее восприятие. Жалейте эту публику, вкладывайте душу в произносимое слово, протягивайте его с эстрады к ним в души. Есть одно даже в самой "лоснящейся" публике: доверчивая ее любовь к Райкину... Любите и уважайте сами себя, — мастера, художника Райкина — как народ любит Вас. И не унижайте себя снижением своего дара... Вы достигли беспредельного совершенства своей игры, пробив потолок над собой...

Ваша М.

3.IX.1973

Милый Аркадий Исаакович,
...Чтобы организованно трудиться, надо организованно жить. Главное — это усвоить ритм. Я с ужасом думаю о неритмичности Вашего быта, хотя Вы

сами — удивительно ритмичный (по природе) человек. Вы умеете молчать на людях, умеете думать и чувствовать мимо собеседников, про себя, втихомолку... Но этот хаос постоянного гостетоптания в доме, постоянной шумливости говоренья, постоянной открытости дверей — а в работе постоянного присутствия актерства, сплетен, распятия себя на людях, на сцене. Понимаю, что у нас с Вами другая работа и Вам люди всегда очень нужны, люди Ваш материал. Но можно изучить в одном человеке всю гамму характеров Шекспира. Лев Толстой, не выезжая из Ясной Поляны, создал живые образы целого общества...

Так вот, не гоняйтесь за многолюдьем, вычитывайте разнообразие в одном-двух человеках. Они ведь, даже самые простые — это целые миры. И в тишине

пробив потолок над собой" Аркадию Райкину

заметнее такое разнообразие, чем в сутолоке...

Интересно, как проходит Ваш день, милостивый государь, Аркадий Исаакович? Вот взяли бы, да и написали. Самокритично. По латыни в древние времена подписывались: сказал (dixi) и душу вымыл. Какое точное выражение! Ваша редкая тварь

19.02.1974

Дорогой Аркадий Исаакович,

...Вы не представляете себе, каким страшным контрастом оказалась Ваша новая встреча с театром. Он не исправился, а наоборот, как-то обнаглел... Преобладание дешевки, обычно-эстрадных приемов, наличие просто противных, антихудожественных провинциально-балетных сценок... преобладание **смешного вообще** — над смыслом... Это я не одна так чувствую. Многие умные зрители говорили мне то же самое... И вот на фоне изменившейся к худшему обстановки в театре, Ваши немногие номера открывают глубокую разницу не только в таланте и даровании Вашем — и остальных в театре. Они открывают разницу в методе, приемах художественного показа у Вас — и у других (всех)...

В чем она? Уходя после спектакля без Вашего участия, зритель уносит в памяти **ситуации** сыгранных на сцене пьесок. Но покидая театр с Вашими выступлениями, он уносит в памяти **образ**, созданный Вами и заключающий в себе любую данную в пьесе ситуацию. Вы создаете образ, остальные актеры разыгрывают ситуации... И мы

можем представить в этих ролях других известных нам актеров, которые, по нашему мнению, могут сыграть лучше... Но мы не можем себе представить другого пьяницу в греческом зале, другого Пантюхова, другого колхозника... Эти образы заняли **все** пространство. И на этом пространстве в нашей памяти могут быть **только** они и никто, никакой другой. Вы населили восприятие миллионов зрителей немеркнущими, непреходящими, бессмертными **образами искусства**, не имеющими никакого подобия в тексте. В этих образах ситуации текста не только не пропали, они **о-лице-творились**. А в игре театра **без Вас** подобные же ситуации **обезличились** и потому потеряли свою социальную остроту...

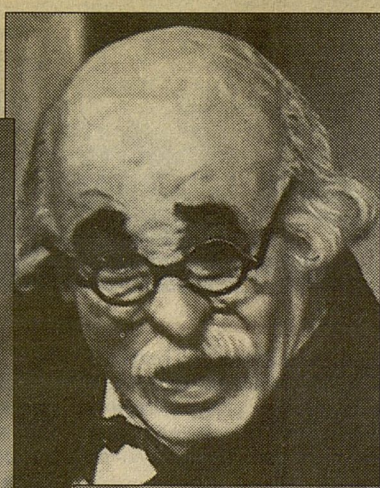
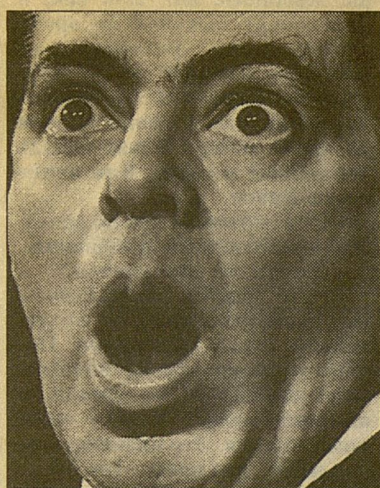
Иногда (и часто!) даже любящие Вас люди, такие, как Андрей Вознесенский с его талантом интуиции, — говорят: "Как жаль, что для такого большого актера пишут плохие бездарные тексты", ... "Свинство, что для Райкина не пишут настоящие писатели". И все это абсолютно **неверно**! Если бы Шекспир писал для Вас — у нас не было бы Райкина! Вы не смогли бы стать интерпретатором готового образа, из Вас не вышло бы обычного актера масштаба выше "выше-среднего", то есть **великого**. Вам нужны тексты, с которыми Вы могли бы манипулировать, видеть в них или через них, за что зацепиться, чтоб создать **свой собственный**, еще ни в какой области искусства целостно не существующий, из Вашей плоти и крови рожденный, в Вашем воображении, из Ваших наблюдений жизни синтезированный образ, райкинский "персонаж", связанный с авторским текстом лишь цепочкой ситуаций и удачными словечками, которые надо о-лице-творить в образе живого человека. Так я воспринимаю особенность Вашего уникального дара. Шекспир и Гоголь создали сами образы, уже **заключенные** в текстах. Разной силы таланта и индивидуальности актеры (только актеры) их интерпретируют, каждый по-своему, как пианист — сонату Бетховена. Правда, есть гении, Рихтеры, — но ведь соната была и остается сонатой Бетховена. А вы — не актер, не только актер, не интерпретатор **чужого**, уже созданного образа, уже имеющего свое бытие в искусстве. Вы — **сотворитель своего**, и это надо понять каждому, кто пишет для Вас, кого Вы "монтируете", коверкаете, сокращаете, добавляете и так далее — к ужасу своих авторов. Вы — Райкин, гений создания образа, воплощающего в себе (путем гиперболизации или всякими другими, непонятными мне путями) не только олицетворенную ситуацию путем монолога, но и **свой нравственный суд над ней из глубины своей творческой личности**. Сатирический образ, если он гениален, всегда носит в себе и нравственную его оценку тем творцом, кто его создает, в данном случае — Вашу моральную оценку созданного Вами персонажа. Поэтом Вы, в сущности, больше, чем **со-автор** со своими авторами текстов. И каким счастьем для Вас было бы найти такого писателя, который понял бы творческое наслаждение работы с Вами над его текстом, как "вылупливание" райкинских цыплят из его "скорлупы".

Станным образом эта Ваша творческая уникальность (создание образа) делается особенно понятной там, где Вы **терпите неудачу**, то есть там, где Вам создать образ **не удается**...

...Боже мой, как стосковался весь мир, все человечество по Здравому смыслу, — во всем, в отношениях между людьми, в политике, в искусстве, в науке, в быту, в семье... И если раньше мы так тосковали по доброте (а Райкин откликнулся и утолил эту тоску), то сейчас, уверяю Вас, мир тоскует по здравому смыслу...

Ваша Мариэтта Шагинян.

Публикация
Наталии ГЛАДКОВОЙ.

лом, есть и контакт творца с самим собой. Творчество есть дар не только людям, но и самому себе (отсюда — высшее счастье удовлетворения от совершенства проведенной творческой работы). Снижая уровень искусства для-ради поверхностного контакта с большинством, сидящим в зале, Вы теряете контакт с самим собой. Когда-то, давным-давно Рахманинов сказал мне: "Я чувствую себя ужасно несчастным, когда сыграю плохо, не в полную силу — даже и в пустом зале".

Не презирайте публику за то, что

Экран и сцена —